

П. Виноградов

Очерки по теории права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
П11

П11 **П. Виноградов**
Очерки по теории права / П. Виноградов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
154 с.

ISBN 978-5-458-55203-5

ISBN 978-5-458-55203-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Соціальныя нормы.

1. Когда Блэкстонъ приступалъ къ своимъ оксфордскимъ чтеніямъ по англійскому праву (1753), онъ чувствовалъ себя обязаннымъ оправдать это новшество въ университетскомъ преподаваніи. «Преимущества и свободное время», говорилъ онъ, «даны джентльменамъ не только для ихъ собственной пользы, но и въ интересахъ общества, а между тѣмъ они не могутъ ни на какомъ поприщѣ жизни правильно исполнить свой долгъ по отношенію къ обществу и самимъ себѣ, если они не знакомы до нѣкоторой степени съ правомъ и закономъ».

Жизнь ушла далеко впередъ съ того времени, и во всякомъ случаѣ знаменательныя измѣненія произошли во взглядахъ на воспитательное значеніе права. Прежде всего, кругъ «джентльменовъ», долженствующихъ посвятить нѣкоторое размышленіе предмету права, весьма расширился: въ настоящее время онъ охватываетъ всѣхъ образованныхъ лицъ, призванныхъ пользоваться привилегіями или исполнять обязанности гражданъ. Не нужно быть адвокатомъ или стряпчимъ, членомъ парламента, мировымъ судьей, не нужно быть даже избирателемъ, чтобы чувствовать интересъ и отвѣтственность по отношенію къ праву всѣ тѣ, кто платятъ подати и обладаютъ какой-либо собственностью, кто нанимаетъ или поставляетъ трудъ, кто пользуется своими правами и сталкивается съ правами другихъ, всѣ непосредственно соприкасаются съ правомъ, сознаютъ ли они это или нѣтъ. Знаніе права иногда можетъ прямо помочь при требованіи или защитѣ того, что принадлежитъ данному лицу; въ другихъ случаяхъ оно можетъ разъяснить присяжному или избирателю исполненіе его важныхъ функций; во всякомъ

случаѣ, каждый членъ общества имѣеть свою долю въ образованіи общественнаго мнѣнія, которое является однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ въ выработкѣ и измѣненіи права.

Далѣе, въ настоящее время мы должны стараться не только пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія о законахъ, дѣйствующихъ въ данной странѣ, но также понять цѣли и средства права вообще, получить нѣкоторое понятіе о процессахъ его образования и примѣненія: потому что только такъ можетъ быть рациональнымъ образомъ постигнуто значеніе законодательныхъ постановленій. Никто не счелъ бы возможнымъ получить правильное представленіе о причинахъ и условіяхъ экономическихъ явленій, безъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по экономической теоріи. И равнымъ образомъ было бы превратно разсуждать о юридическихъ предметахъ, не имѣя нѣкотораго понятія о теоріи права.

Въ виду этихъ весьма ясныхъ соображеній я хотѣлъ бы объяснить, по возможности кратко и просто, главные принципы, лежащіе въ основѣ юридическихъ институтовъ. Хотя детали законовъ и являются сложными и изученіе ихъ требуетъ спеціальныхъ познаній, но самыя операціи разсудка въ области права основаны на здоровомъ смыслѣ и доступны безъ затрудненія лицамъ, обладающимъ обыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Теорія права въ этомъ отношеніи можетъ быть сравнена съ политической экономіей, которая также развивается изъ простыхъ общихъ началъ и требуетъ все же значительнаго запаса спеціальныхъ знаній, когда дѣло доходить до подробностей.

Чтобы понять цѣли и характерныя особенности теоріи права, полезно разсмотрѣть прежде всего, какое мѣсто она занимаетъ въ системѣ наукъ. Наука есть знаніе, приведенное въ порядокъ рефлексіей, и какъ таковое является характерной особенностью человѣчества; наиболѣе фундаментальное различіе между человѣкомъ и животными заключается въ способности человѣка къ разсужденію. Собака чувствуетъ боль и удовольствіе, ее можно заставить испытать гнѣвъ и радость, она помнитъ удары и ласки, она можетъ выказать хитрость въ достиженіи своей цѣли, напр., отворяя калитку или преслѣдуя дичь. Но ея представленія, желанія и поступки происходятъ непосредственно отъ ея эмоцій или отъ ихъ ассо-

ціацій въ памяти. Въ душѣ человѣка происходитъ иное. Мы также подвержены непосредственнымъ импульсамъ нашей эмоциональной природы, но на ряду съ этимъ непосредственнымъ двигателемъ мы сознаемъ присутствіе въ нашемъ умѣ совершенно иного духовнаго процесса. Мы всегда какъ бы подставляемъ зеркало нашимъ эмоціямъ, идеямъ и рѣшеніямъ, и вслѣдствіе такого самосознанія мы переживаемъ событія и дѣйствія нашего существованія не только въ ихъ прямой послѣдовательности, но такъ же какъ рядъ отраженій. Струны нашего духа непосредственно затрагиваются снаружи различными впечатлѣніями, производимыми встрѣчающимися намъ предметами, равно какъ и фізіологическими и духовными событіями въ нашемъ собственномъ организмѣ. Процессъ рефлексіи дѣлаетъ для насъ возможнымъ переставлять ряды нашихъ впечатлѣній и воспоминаній, согласовать ихъ съ сознательными цѣлями и сознательно избранными мѣрилами. Именно благодаря этому рефлектирующему элементу, люди имѣютъ огромное преимущество передъ животными, благодаря ему возникаютъ языкъ, религія, искусство, наука, мораль, политическій и юридическій порядокъ.

Это наблюденіе, извлеченное изъ индивидуальнаго опыта, не менѣе ясно изъ опыта общества, о которомъ повѣствуетъ исторія. Даже наиболѣ примитивныя дикія племена, напр., ведды на Цейлонѣ или жители Патагоніи, обнаруживаютъ въ своемъ образѣ жизни значительную долю рефлексіи, если ихъ сравнить съ обезьянами или собаками: только благодаря рефлексіи могутъ у нихъ образоваться нѣкоторыя грубыя формы языка, нѣкоторыя понятія о сверхъестественномъ руководствѣ, нѣкоторыя представленія о порядкѣ окружающаго міра, нѣкоторые обычаи, регулирующіе ихъ взаимныя сношенія. Но все же связующія звенья ихъ рефлексіи едва ли возвышаются надъ непосредственными потребностями ихъ первобытной жизни. У другихъ племенъ накопленіе знаній и ихъ распредѣленіе и согласованіе при посредствѣ рефлексіи является результатомъ долгой и трудной борьбы въ теченіе эпохъ варварства. Только сравнительно поздно въ цивилизованномъ состояніи общества, рефлективное мышленіе покоряетъ всѣ отрасли знанія съ помощью науки и гармонизируетъ различныя науки посредствомъ всеобъемлющей философіи. И какъ первобытный дикарь безконечно превосходитъ животное благодаря зачаточной способности къ рефлексіи, такъ же цивилизованный чело-

вѣкъ возвышается надъ дикаремъ благодаря научному и философскому мышленію. Вмѣсто того, чтобы наивно отвѣчать на элементарныя потребности, онъ обзираетъ и обобщаетъ опытъ нескончаемаго числа жизней, полныхъ работы и мудрости. Варваръ вырабатываетъ формы рѣчи, чтобы сноситься съ своими сосѣдями; современный лингвистъ анализируетъ строеніе языка и законы его образованія; варваръ поклоняется таинственнымъ силамъ природы; современный изслѣдователь религіи старается объяснить эволюцію мѣовъ и обрядовъ, взаимное вліяніе вѣры и морали, ростъ церковной организаціи.

Такимъ же точно образомъ, въ противоположность простымъ правиламъ и дѣленіямъ положительнаго права, которыя встрѣчаются въ исторіи всѣхъ націй, возникаетъ наука о правѣ, правовѣдніе, которое имѣетъ свою цѣлью раскрыть общіе принципы, лежащіе въ основѣ правовыхъ установленій и судебныхъ рѣшеній. Оно изучаетъ процессы мысли, происходящіе въ сознаніи законодателей, судей, повѣренныхъ и тяжущихся. Эта теорія права даетъ возможность людямъ создавать законы и пользоваться ими сознательнымъ и научнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы создавать ихъ болѣе или менѣе случайно подъ давленіемъ обстоятельствъ. Изученіе теоріи права поэтому никоимъ образомъ не является лишь школьнымъ средствомъ, изобрѣтеннымъ съ цѣлью ввести начинающихъ въ терминологию и познакомить ихъ съ подраздѣленіями предмета, хотя, конечно, теорія права помогаетъ и въ этомъ отношеніи въ связи съ разрѣшеніемъ научныхъ задачъ. И равнымъ образомъ нашею цѣлью не является классификація и каталогизація разбросанныхъ наставленій о юридическихъ нормахъ и средствахъ правоохраны: расположенные по болѣе совершенной системѣ главы и параграфы какого-либо кодекса не сдѣлаютъ излишней общую теорію права, потому что ея основной задачей является не столько установленіе послѣдовательнаго порядка юридическихъ нормъ, сколько раскрытіе ихъ раціональной взаимной зависимости и внутренняго значенія. Для спутанной совокупности нормъ «общаго права» (common law), которое, какъ англо-американское, построено на судебныхъ рѣшеніяхъ, помощь, оказываемая юридической классификаціей, особенно умѣстна, даже необходима; но даже помимо этого, теорія права необходима для выясненія и дополненія отдѣльныхъ доктринъ, которыя она тра-

ктуеть какъ части связнаго цѣлаго юридическаго мышленія. Наблюденія и правила, которыя могутъ казаться случайными и необоснованными, когда съ ними имѣеть дѣло практика, получаютъ свое оправданіе или вызываютъ къ себѣ критическое отношеніе, когда они рассматриваются въ свѣтѣ общей теоріи.

2. Писатели по вопросамъ теоріи права обыкновенно начинаютъ съ опредѣленія предмета, который они намѣреваются рассматривать, именно права. Но такія опредѣленія, данныя въ самомъ началѣ, имѣють то неудобство, что они какъ бы навязываются читателямъ, которые имѣють лишь смутныя представленія о предметѣ, и поэтому принуждены болѣе или менѣе пассивно принимать то, что имъ догматически преподается. Притомъ опредѣленіе права дать далеко не легко: многія были предложены въ разные времена и лишь послѣ тщательнаго разсмотрѣнія можетъ быть сдѣланъ основательный выборъ между ними. Представляется поэтому болѣе умѣстнымъ поступить инымъ образомъ—очистить дорогу для опредѣленія, постепенно суживая область изслѣдованія, сначала опредѣливъ классъ, къ которому принадлежитъ предметъ, а затѣмъ, обозначивъ особенности рассматриваемаго вида.

Вполнѣ очевидно, что правовыя установленія являются разновидностью организаціи общества, и что поэтому теорія права есть одна изъ отраслей науки объ обществѣ. Человѣкъ, по преимуществу, общественное существо. Соціальное общеніе предписывается ему природой, т. к., оставаясь изолированнымъ индивидуомъ, онъ не можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; предоставленный самому себѣ, онъ, какъ это выразилъ Аристотель, не «довлѣетъ себѣ». Соединяясь съ женой, онъ основываетъ семью; соединяясь съ сосѣдями въ сельскомъ союзѣ, онъ осуществляетъ простѣйшія требованія экономическаго сотрудничества; соединяясь съ согражданами, онъ участвуетъ въ строеніи государства, которое охраняетъ его отъ враговъ и даетъ ему возможность интеллектуальнаго и моральнаго развитія. Мы можемъ сдѣлать шагъ дальше: если соціальное общеніе требуется человѣческой природой, то какой-либо *порядокъ* есть необходимое условіе соціальнаго общенія. Если человѣкъ злоупотребитъ своей силой по отношенію къ своему сосѣду, отнимая у него хлѣбъ, то трудно будетъ установить между ними общность интересовъ или какія-либо дружескія сношенія. Только когда сюда приводятъ извѣстные принципы, устано-

вливающіе нормальное поведеніе людей въ обмѣнѣ матеріальными благами, въ отношеніяхъ половъ, или въ упорядоченннхъ услугахъ, только тогда соціальное общеніе становится правильнымъ и продолжительнымъ.

Имѣются, такимъ образомъ, нѣкоторыя элементарныя требованія, предъявляемыя къ участникамъ ассоціаціи: они не должны причинять другъ другу вреда, не должны добиваться несправедливаго преимущества другъ надъ другомъ, не должны поступать такъ, какъ если бы ихъ личная воля и удовольствіе были все, а воля и интересы другихъ ничто: даже, если два лица сходятся для того, чтобы сыграть партію въ теннисъ или въ шахматы, они должны подчиниться опредѣленнымъ правиламъ въ своемъ состязаніи, если они хотятъ достигнуть своей непосредственной цѣли. Выказываемое искусство или сила составляетъ матеріальную часть игры; правила, касающіяся ходовъ и счета попаданій, образуютъ формальную рамку этого рода общенія. Отношенія между супругами или между акціонерами какой-либо компаніи, или между гражданами государства, гораздо болѣе сложны и продолжительны, но они въ существѣ того же рода.

Очевидно, правовыя нормы занимаютъ мѣсто между *правилами поведенія*, которыя обеспечиваютъ соціальныи порядокъ и соціальное общеніе. Поэтому среди соціальныхъ наукъ теорія права относится къ отдѣлу такъ называемыхъ *моральныхъ наукъ*.

3. Человѣческое мышленіе можетъ разсматривать наблюдаемые имъ факты съ одной изъ двухъ точекъ зрѣнія: оно можетъ наблюдать ихъ взаимоотношенія извнѣ и стараться связать ихъ одинъ съ другимъ, какъ цѣпь причинъ и послѣдствій, или же оно можетъ разсматривать ихъ въ отношеніи къ сознательной дѣятельности человѣка и оцѣнивать по связи цѣлей и средствъ. Первая точка зрѣнія присуща естественнымъ наукамъ. Вторая точка зрѣнія свойственна моральнымъ наукамъ. Разовьемъ это различіе нѣсколько полнѣе. Въ моральныхъ наукахъ мы замѣчаемъ двѣ основныя идеи, которыя обуславливаютъ особый характеръ этой отрасли знанія и ставятъ ихъ въ противоположность къ нашимъ понятіямъ объ окружающей внѣшней природѣ—идеи воли и разумной цѣли. Каждый изъ насъ сознаетъ, что его поступки обусловлены его волей въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ рѣшить въ умѣ, какое изъ многихъ возможныхъ направленій дѣйствія онъ изберетъ; и этотъ внутренній

опытъ противопологается другой точкѣ зрѣнія на событія, какъ управляемая съ безусловной необходимостью естественными законами. Если установить связь между положительнымъ и отрицательнымъ элементами электричества, получится токъ, и это событіе будетъ примѣненіемъ причиннаго закона, безошибочно дѣйствующаго при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ. Но когда инженеръ берется устроить электрическую батарею, каждый изъ его поступковъ въ этомъ дѣлѣ есть результатъ сознательнаго хотѣнія, и можетъ быть направленъ къ иной цѣли или вовсе удержанъ въ каждый отдѣльный моментъ; воля инженера, конечно, подвержена вліянію извѣстныхъ причинъ въ определенномъ направленіи, но каждый актъ этой воли представляется выраженіемъ сознательнаго выбора.

Хотя электрическій токъ обусловленъ, въ избранномъ примѣрѣ, извѣстнымъ сочетаніемъ химическихъ элементовъ, онъ является также конечнымъ результатомъ ряда сознательныхъ хотѣній въ умѣ инженера.

Сознательное мышленіе нормальнаго человѣка характеризуется далѣе тѣмъ, что оно разумно, т.е., что оно подчиняется мѣриламъ логики и нравственности. Каковы бы ни были мои симпатіи или желанія, я долженъ подчиниться извѣстнымъ логическимъ правиламъ, когда я разсуждаю о фактахъ. Никакое напряженіе эгоистическаго аппетита не превратитъ для меня четыре яблока въ сорокъ, и не измѣнитъ правила, что дважды два четыре. Но разумная сознательность идетъ глубже. Никакое напряженіе эгоистическихъ пожеланій не скроетъ отъ моего разсудка, что то, что является нежелательнымъ для меня, нежелательно и для моего сосѣда, что убивать и грабить такъ же дурно, какъ быть убитымъ или ограбленнымъ. Есть разсказъ о дикарѣ, который на вопросъ, въ чемъ разница между добромъ и зломъ, отвѣтилъ: «Хорошо, если я возьму жену моего сосѣда, но худо, если онъ возьметъ мою». Мнѣ кажется, что этотъ разсказъ является клеветой на дикаря. Безъ сомнѣнія, правила, которыя мы считаемъ священными, когда затронуты наши интересы, часто нарушаются нами по отношенію къ другимъ, но тѣ, которые нарушаютъ такія правила, болѣе или менѣе сознаютъ противорѣчіе между разсудкомъ, который осуждаетъ поступокъ, и страстями, которыя обусловили его. Возникаетъ конфликтъ совѣсти, и это противорѣчіе между тѣмъ, что случается, и тѣмъ, что должно было

случиться, лежитъ въ основѣ всей человѣческой морали. «Слово *«долгъ»* выражаетъ родъ необходимости, родъ связи поступковъ съ ихъ основаніями или мотивами, каковая не встрѣчается въ мірѣ естественныхъ явленій. О природѣ наше пониманіе можетъ знать лишь то, что есть, что было и что будетъ. Мы не можемъ сказать, что нѣчто въ природѣ *«должно»* быть инымъ, чѣмъ оно было, есть или будетъ на самомъ дѣлѣ. Поскольку мы разсматриваемъ ходъ вещей въ природѣ, слово *«должно»* не имѣетъ смысла. Мы такъ же мало можемъ спрашивать, что должно случиться въ природѣ, какъ спрашивать, какія особенности должны имѣть кругъ» (Кантъ).

4. Цѣлью права является установленіе правилъ поведенія, правилъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать и отъ чего слѣдуетъ воздерживаться. Нормы права, конечно, не единственные правила поведенія, управляющія человѣческими поступками. Люди подчиняются такъ же модѣ, правиламъ приличія, обычаямъ, условнымъ нормамъ, предписаніямъ морали. Человѣкъ въ наши дни врядъ ли станетъ носить пудренный парикъ и треуголку, хотя это вовсе не запрещено закономъ. Дама обыкновенно надѣваетъ трауръ по смерти своего супруга: она считаетъ черное платье и вуаль предписанными ей общественнымъ мнѣніемъ; и если бы она рѣшилась пренебречь этими формами, то это повело бы за собой неприятыя для нея послѣдствія: осужденіе, враждебныя замѣчанія и, быть можетъ, разрывъ съ друзьями и родными. Что касается общественныхъ обычаевъ, то хотя, напримѣръ, не безусловно необходимо здороваться съ знакомыми, когда вы встрѣчаетесь на улицѣ, и посѣщать ихъ иногда, но обычно такъ дѣлается, и лицо небрежное или невнимательное въ этихъ отношеніяхъ навѣрное вызоветъ соответствующее воздаяніе. Условныя нормы появляются, главнымъ образомъ, въ связи съ привычками и манерами опредѣленныхъ классовъ и профессій; онѣ уже, чѣмъ обычный кодексъ нравственности, но для членовъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ соблюденіе ихъ является обязательнымъ. Юристы и медики подчиняются специальнымъ требованіямъ профессиональной тайны и профессиональнаго поведенія; рыцарскій кодексъ налагалъ на дворянъ весьма строгія требованія такъ называемой *«courtoisie»*, и даже въ нашъ демократическій вѣкъ кодексъ джентльменскаго поведенія и чести устанавливаетъ болѣе утонченныя требованія, нежели обычныя правила честности.

Сама честность, какъ и правдивость, доброта, состраданіе, и т. д. являются нравственными обязанностями, обусловленными частью общественнымъ мнѣніемъ, частью совѣстью. Они ясно выражаютъ идею долга, предписываютъ «должное», и лицо, пріобрѣтшее репутацію лжеца или негодяя, навѣрное возбудитъ чувства отвращенія и враждебности въ прочихъ членахъ общества.

Только что характеризованныя правила образуютъ родъ лѣстницы, въ которой каждая ступень предполагаетъ болѣе строгія обязательства, чѣмъ предшествующая ей. Обычай болѣе принудителенъ, чѣмъ мода; условный кодексъ болѣе повелителенъ, нежели обычай; и правила морали болѣе абсолютны, чѣмъ правила, вытекающія изъ общественныхъ условностей. Наконецъ, юридическія обязанности могутъ быть названы болѣе обязательными, чѣмъ моральныя предписанія. Мы замѣчаемъ также различныя комбинаціи побужденій личной совѣсти, инстинктивнаго повиновенія и внѣшняго давленія. Въ модѣ элементъ личнаго вкуса играетъ очень видную роль, и санкція внѣшняго давленія относительно слаба, очевидно потому, что цѣль, достигаемая модой, не особенно важна. Люди стараются выглядѣть, какъ всѣ остальные, или какъ лучшіе, или даже еще немножко лучше; но если это имъ и не удастся, неудача не слишкомъ вредна. Люди носятъ какъ бы принятую ими самими форму, и характерной чертою является родъ подражанія, побуждающій людей выбрать цвѣта и покрой одежды не согласно индивидуальнымъ склонностямъ, а какъ бы стаднымъ образомъ. Обычай идутъ дальше: это вопросъ не внѣшности, а поведенія, выраженія предполагаемыхъ чувствъ почтенія, дружбы, привязанности, покровительства и т. п. Въ общественныхъ обычаяхъ есть цѣль: они направлены къ тому, чтобы облегчить бѣгъ колесъ соціального строя, смягчить отношенія между знакомыми, друзьями, начальниками и подчиненными посредствомъ благожелательности и взаимной оцѣнки; ихъ приходится пріобрѣтать воспитаніемъ и привычкой, но въ концѣ концовъ они становятся почти инстинктивными. Что касается условныхъ нормъ, то цѣли, поставленныя обществомъ, весьма ясны: желательно отграничить особую группу лицъ отъ постороннихъ и возложить нѣкоторыя обязанности на ея членовъ. Условныя идеи такого рода могутъ разрастись въ нѣчто въ родѣ тайной доктрины, какъ напр., въ франкмасонствѣ.

Вѣншее давленіе соотвѣтственно возрастаетъ. Лицо, пренебрегающее правилами группы, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ подвергнуться исключенію изъ нея. Что касается моральныхъ обязанностей, ихъ соціальное значеніе бросается въ глаза; ясно, что если бы въ данномъ обществѣ всѣ или большинство были бы лжецами и негодяями, то было бы мало шансовъ развитію кредита, обезпечить безопасность и благосостояніе. Съ другой стороны, какъ бы ни была груба нравственная природа человѣка, онъ, обыкновенно, признаетъ моральныя правила, поскольку они могутъ гарантировать его собственные интересы; и весьма трудно предположить, чтобы тотъ, кто привыкъ защищать свою собственность отъ воровъ, самъ сталъ бы воровать безъ неловкаго чувства противорѣчія въ своей совѣсти.

5. Тѣсное родство между понятіями морали и права бросается въ глаза. Не удивительно, что древніе мыслители, напр. Аристотель, включали обсужденіе элементовъ права въ свои трактаты объ этикѣ; а для Сократа и Платона анализъ права нераздѣлимъ отъ идеи справедливости. Не можетъ также считаться простою случайностью, что во всѣхъ европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ англійскаго, термины для права, какъ закона, и права, какъ сферы требованій лица совпадаютъ—*ius*, *Recht*, *droit*, *diritto*, *degesho*, право,—всѣ означаютъ законный порядокъ, общія правила закона, понятіе о справедливости съ одной стороны и конкретное право, присущее индивиду, съ другой. На англійскомъ языкѣ терминъ «*law*» отличенъ отъ термина «*right*», но права (*rights*) основаны на правѣ (*law*). Съ другой стороны противоположеніе права и неправды (*right* и *wrong*) подчеркиваетъ этический смыслъ этого понятія. Справедливо то, что мы находимъ правильнымъ, совпадающимъ съ извѣстнымъ образцомъ, поставленнымъ нашимъ сужденіемъ; неправильно то, что противоположно ему. Положеніе, что дважды два равно пяти неправильно согласно кодексу арифметики; отплатить благодѣтелю неблагодарностью неправильно съ точки зрѣнія морали; отказать въ платѣ рабочему можетъ быть неправильно согласно предписаніямъ закона, и во всякомъ случаѣ неправильно съ моральной точки зрѣнія, т.-е. въ сужденіи непредубѣжденныхъ людей и собственной совѣсти.

Такимъ образомъ ясно, что право не можетъ быть оторвано отъ морали, поскольку оно ясно содержитъ, какъ одинъ изъ своихъ элементовъ, понятіе правильности, которому соотвѣт-